

А. П. Беликов, М. В. Нечитайлов

Сражение при Кунаксе: триумф эллинского оружия?

лучившийся в 401 г.¹ мятеж малоазийского наместника Кира Младшего и его продвижение вглубь Азии завершились сражением между войсками претендента на престол и его старшего брата царя Артаксеркса II². Решающая встреча мятежников с царскими войсками состоялась в сердце империи — в Месопотамии (основные источники о битве: Xen. An., I.8–10 [8]; Diod., XIV.22–24; Plut. Artax., 9–13 [9]) [10, с. 281–287; 11, с. 98–111; 12, с. 221–242; 13, с. 340–357; 14, с. 278–282; 15, с. 455–456; 16, с. 14–19; 17, с. 119–134].

Чтобы замедлить продвижение противника, Артаксеркс уничтожил мосты через Евфрат (Xen. An., I.4.18) и прибег к тактике выжженной земли (Xen. An., I.6.2). Он также привел в готовность оборонительную систему на севере Вавилонии³ и обновил старую систему укреплений (Xen. An., I.7.14–16). **Царь созвал войска не только в Иране** (пунктом сбора были назначены Экбатаны в Мидии), но и, будто бы, привлек силы

¹ Здесь и далее все даты — до н. э.

² Хотя царь почти с самого начала знал о подготовке мятежа и найме Киrom целой армии греков (Diod., XIV.11.2–3), у него были связаны руки — от империи отпал Египет [1, с. 617–620]. Неслучайно, что наступление Кира совпало с завершением приготовлений Артаксеркса к Египетскому походу [2, с. 210]. Однако, широкой поддержки и в Малой Азии, и в среде персидской знати за пределами региона мятеж не получил, это и объясняет беспрецедентные масштабы вербовки греков [3, с. 349] и обращение за помощью к Спарте [4, с. 37–38; 5, с. 279]. Без эллинов военные ресурсы Кира были бы слишком незначительны, чтобы можно было всерьез рассчитывать на захват им персидского трона. Свои истинные намерения Кир скрывал до последнего, и от простых азиатских воинов, и от балканских наемников [6, с. 153–154], удерживая в качестве заложников семьи командиров последних (Xen. An., I.4.8), **хотя это не помешало дезертирствам**: Суда сообщает, что 400 наемников покинули (видимо, в Киликии) войско Кира до сражения [7, с. 85–88].

³ Ф. Жоаннес показал, что греки столкнулись не с намеренными действиями царя, пускавшего воду по рвам и каналам, через которые проходили наемники — (Xen. An., II.3.10–13), а просто с активностью местного земледельческого населения, оживленно возделывавшего почву [18, с. 188–190]. Впрочем, одно другому не мешает, и каналы позднее использовали в оборонительных целях Селевк и его стратег в Вавилонии Патрокл (Diod., XVIII.73.3; XIX.100.6).

со всей державы, вплоть до Индии, хотя не все успели прибыть до столкновения с Киром (Diod., XIV.22.1–2; Xen. An., I.7.12; II.4.25).

Точная дата сражения неизвестна, вероятно, оно произошло летом 401 г.¹ По традиции, местом битвы (его называет только Плутарх (Plut. Art., 8) — по Ктесию?) [26, с. 2193], стала Кунакса, в 500 стадиях от Вавилона (около 93 км; согласно вставке в текст Ксенофонта (Xen. An., II.2.6). Считается, что Телль [Акар] Конайса (Телль Кунейсе/Кнейсе/Каниса/Конайша/Куниша; исходное Кунаса, как полагают, являлось арабской формой греческого *Кунакса*), находилась в 92 км к северу от Вавилона и западнее нынешнего Багдада на левом берегу Евфрата. Другие версии: возле деревушки Муфраз, северо-западнее Сиппара: К. Мэйсон и Чесни [27, с. 474–476]; у ал-Феллуджи: Э. Херцфельд [9, с. 183]; у местечка Мухаммад ал-Амар: И. Кромайер [12, с. 227]. Однако Ричард Барнетт и А.Ш. Шахбази [15, с. 455; 28, с. 15–17; 29, с. 125–129], полагая, что Кунакса — арамейское *Кеништа*, уверенно локализовали бой поблизости от нынешней деревни ан-Насиффийат/ан-Нусеффиат (первоначально — [ку]нейсе-сафиат[иб]), приблизительно в 80 км севернее Вавилона и на правом берегу старого русла Евфрата, что согласуется с описанием очевидца и участника сражения Ксенофонта. Но недавно О. Ленгле достаточно убедительно оспорил это мнение в пользу традиционной точки зрения — Телль Акар Конайса [30, с. 198]. Хотя высказывалось и мнение о том, что местонахождение Кунаксы неясно [31, с. 111; 32, с. 129], представляется, что аргументы О. Ленгле более весомы.

Известия о приближении врага Кир получил около 9 часов утра, но почти полностью выстроил войска лишь к полудню, после чего появился и царь с армией (Xen. An., I.8.1–3; Plut. Art., 7) [33, с. 111–112; 34, с. 159–160]. Согласно источникам [см.: 35, с. 241–243; 36, с. 65–66; 37, с. 24–26; 38, с. 41–44], правое крыло² (со стороны Евфрата) мятежников состояло из наемной пехоты: греческие гоплиты и пельтасты лаконца Клеарха, беотийца Проксена и фессалийца Менона, и более 1000 пафлагонских всадников рядом с пельтастами. Клеарх, как начальник всех греков, занимал правый фланг греческой фаланги, за ним Проксен, за Проксеном другие стратеги, а левый фланг, тоже почетный пост, уступавший по значению только командиру правого фланга [39, с. 391], достался Менону. Глубина строя гоплитов, вероятно, составила четыре шеренги [40, с. 238], а общая протяженность строя — видимо, около 1,5 км. Пельтасты и прочие легковооруженные (ими командовал Эписфен из Амфиополя) стояли на правом крыле греков, за Клеархом. Пафлагонцы, располагаясь за пельтастами, следовательно, примыкали к самой реке. Левый фланг³ составили войска из Фригии и Лидии и около 1000 всадников (как считал Ж. Кузэн [20, с. 110], лидийцы, но скорее тоже пафлагонцы). Центр:

¹ Часто упоминаемая дата битвы, 3 сентября 401 г. [19, с. 228; 20, с. 124; 21, с. 1171], не базируется на сколько-нибудь серьезной основе [22, с. 525]. Неясно даже, состоялось ли сражение в сентябре (начале/середине месяца), ноябре (начале/середине месяца) или вообще осенью — предлагалась версия, что в начале августа [23, с. 38, 43; 24, с. 26]. Скорее всего, бой имел место летом 401 г. [25, с. 882].

² Собственно, Кир приказал Клеарху стать в середине боевой линии, напротив царя, но тот отказался и предпочел правый фланг (Plut. Art., 8; Xen. An., I.8.11).

³ Им командовал Ариэй (у Диодора — Аридей; правильно, видимо, *Ариай*) — военачальник Дария II, поддержавший мятеж Кира Младшего, доверенное лицо царевича. Получив после Кунаксы помилование, Ариэй помог Тиссаферну схватить греческих стратегов. В свою очередь, в 395 г. именно Ариэй арестовал и казнил Тиссаферна. Став сатрапом Великой Фригии, год спустя он поднял мятеж против царя [41, с. 405–406].

около 10 тыс. отборных воинов — персы и прочие варвары (т. е. пехота)¹, а впереди них примерно 600 или 1000 всадников гвардии Кира (включая его приближенных и придворных: «сотрапезников» и «друзей») и сам царевич (Diod., XIV.22.5–6; Xen. An., I.8.4–6). За варварской пехотой находился лагерь мятежников.

Став в центре, и зная, что там же «по традиции» [44, с. 68] будет находиться в своих боевых порядках царь, Кир надеялся взять в плен или убить брата кавалерийской атакой или традиционным для враждующих персидских военачальников поединком, и тем самым одним ударом выиграть сражение и войну. Примечательно, что все четыре военачальника (Кир, Артаксеркс, Тиссаферн, Ариэй), упоминаемые в источниках, находились именно во главе конных отрядов (или за их строем, как царь), хотя двое из них были главнокомандующими, а двое других распоряжались на флангах.

Всего у царевича было 10 400 греческих наемников-гоплитов, 2500 пельтастов (эллинов и фракийцев)² и еще около 20 серпоносных колесниц (Xen. An., I.7.10; 8.11), которые в битве, очевидно, не участвовали, видимо, их просто не успели вывести на поле боя. Азиатская часть армии Кира, согласно источникам, составляла 100 тыс. чел. (Xen. An., I.7.10; Суда, несомненно, заимствовал у Ксенофонта эту цифру) или 70 тыс. пехоты (Diod., XIV.19.7 — по Ктесию?): все это «стереотипные преувеличения» [52, с. 436]. Проведя «ампутацию над числами» [53, с. 122; 54, с. 238], ряд исследователей пришли к выводу, что «азиаты» Кира [20, с. 107–132] не превышали 20–35 тыс. чел. [9, с. 184; 12, с. 234; 13, с. 341; 16, с. 103; 24, с. 174; 33, с. 112], но, скорее всего,

¹ Откуда они были родом, сказать сложно, поскольку Диодор явно противопоставляет их войскам из (Великой) Фригии и Лидии (способным воинам, как заверяет Ксенофонт — Xen. An., I.1.5), подвластных Киру (Diod., XIV.19.6; Plut. Art., 2). Можно быть уверенным в том, что там были киликийцы (Diod., XIV.20.3), хотя и служившие из-под палки. Кария контролировалась, похоже, Тиссаферном (но ср.: Xen. An., I.4.9), Даскилийская провинция — Фарнабазом (но тот факт, что у Кира были пафлагонские войска, доказывает определенную причастность Фарнабаза к мятежу — без его ведома и разрешения те вряд ли бы добрались до Кира; в то же время Фарнабаз послал предупреждение царю и не присоединился в открытую к царевичу). Иония и Эолида, естественно, не считались варварскими (правитель Тевфрании в Эолиде Прокл, потомок Демарата, был среди придворных Кира — Xen. An., II.1.3), хотя ими правил египтянин Тамос [42, с. 23–24], а в Эолиде имелись поселения египтян [43, с. 167–169, 314]. Сын Тамоса Глос, как и Прокл, был в войске Кира при Кунаксе. С писидами Кир был если не в войне, то в споре, Ликаония являлась «враждебной» территорией (Xen. An., I.2.19). Остаются Каппадокия, Ликия и Памфилия, а также Пафлагония (будучи под властью независимых князьков, пафлагонцы являлись для Кира союзниками/наемниками). Под персами (пехота) могут подразумеваться войска гарнизонов или телохранители Кира, но скорее это младшие командиры в войске, которые действительно были из персов (Diod., XIV.19.9). Варварские отряды соответственно конницы и пехоты Ксенофонт именует на эллинский манер «илами» и «таксисами» (Xen. An., I.2.16), и последние, видимо, соответствуют тысячам-*хилиархиям*.

² Кир Младший был *первым*, кто открыл для соотечественников новый источник *массового* притока «пушечного мяса войны» [1, с. 620]. Всего греков должно было быть 10 600 гоплитов (или 10 700, поскольку Диодор пишет о 800 гоплитах у Хирисофа; еще 100 чел. погибли в походе), 1600 пельтастов, 500 легковооруженных и 200 лучников. Вероятно, объяснение в том, что 200 гоплитов зачислили в легкую пехоту [24, с. 48], а Ксенофонт посчитал под Кунаксой не только собственно пельтастов, но и лучников с гимнетами, включая пращников, как «пельтастов» [45, с. 46]. Но греков было в действительности еще больше, поскольку столько-то их (возможно, 500–600 чел.) охраняли во время битвы обоз и убили «многих» грабителей (Xen. An., I.10.3); там же, очевидно, находился и маленький отряд всадников (более 40 чел., в основном фракийцы) [24; 46, с. 24–32, 122 сл.; 47, с. 16–30; 48, с. 287–323; 49, с. 37–46; 50, с. 51–69; 51].

варварское войско было еще меньше, даже несмотря на мобилизацию всех сил Малой Азии для этого похода. По справедливому замечанию Эд. Мейера, в действительности азиатские отряды Кира могли быть не намного сильнее греков [19, с. 228; 55, с. 185], которые составляли основу армии [56, с. 79]. Численность кавалерии определить несложно — 2600–3000 азиатских всадников (из них 600–1000 отборных персов-панцирников на бронированных конях). Ксенофонт (Хен. Ап., I.8.5–6) упоминает 1600 всадников, но он не учитывает конницы, бывшей у Ариэя. Диодор насчитывает 3000 (Diod., XIV.19.7), с ним соглашается И. Кромайер [12, с. 233]. Пехота же варваров, вероятно, насчитывала максимум 15–20 тыс. чел., или всего 10 тыс., как считает А. Ш. Шахбази [15, с. 455–456].

В отношении царской армии цифры древних авторов еще более противоречивы и едва ли приемлемы. С Артаксерксом прибылы, согласно Ктесию (царский врач, очевидец события) и Эфору¹, 400 тыс. воинов, включая конницу (Diod., XIV.20.4; 22.2; Plut. Art., 13). Ксенофонт, один из наемников Кира², приводит еще большие цифры — 900 тыс. воинов трех командиров (Тиссаферна, сатрапа Карики, Гобрия, сатрапа Вавилонии, и Арбака, сатрапа Мидии), 150 серпоносных колесниц и 6000 конных гвардейцев Артагерса (Ап., I.7.11–12; Plut. Art., 7). Все эти гигантские цифры не более чем фантазии или «абсурдная оценка», по замечанию Эд. Мейера, выдуманные греками с целью прославить свои успехи [33, с. 111; 43, с. 329; 55, с. 185; 60, с. 36]. Но даже врач Ктесий оказался большим реалистом, нежели профессионал Ксенофонт, хотя тот и «ссылается» на показания дезертиров и пленников (Хен. Ап., I.8.13).

Быстрый марш Кира из Сард в Месопотамию не позволил царю собрать все наличные силы в Экбатанах, хотя войска, конечно, собирались достаточно давно³. Однако войско, видимо, выступило несколько ранее намеченного срока, поскольку нужно было спешить, иначе Кир мог бы захватить Вавилонию (Plut. Art., 7). Тот же Ксенофонт отмечает, что Артаксеркс планировал собрать 200 колесниц и 1 млн 200 тыс. чел., но 1/4 его армии (300 тыс. воинов и 50 колесниц Аброкома, сатрапа Зарчья, первоначально предназначенные для подавления мятежа в Египте) двигаясь из Финикии, не успела к бою. Оценка Эд. Мейером царского войска примерно в 40 тыс. чел. ближе к истине. Его боевые порядки, правда, растянуты еще больше, чем боевые порядки Кира, но не только отдельные корпуса, но и вся армия передвигается накануне битвы с большой легкостью туда-сюда. Кроме того, эти все массы бесследно исчезают после отхода греков [55, с. 185]. Наконец, как заключают А. Ш. Шахбази и О. Ленгле, каждый из представленных при Кунаксе сатрапов мог командовать

¹ Источниками Эфора при описании похода 401 г. служили, возможно, Ктесий, (отчасти) Ксенофонт, «Оксирихская история» и, очевидно, сочинение другого участника кампании, Софенета из Стимфалы; Д. Андерсон добавляет к списку авторов еще Фалина, грека на службе у Тиссаферна [57, с. 241–254]. А. Берн саркастически замечает, что повествование Эфора о Кунаксе читается как роман [58, с. 353]. Но ничто не помешало профессиональному военному Ксенофонту написать настоящий роман и «переиграть» заново в нем бой при Кунаксе (сражение при Фимбрах в «Киропедии»).

² Именно он сообщил Киру пароль и отзыв на этот день — «Зевс Спаситель и Победа» (Хен. Ап., I.8.16) [59, с. 69–70, 265].

³ Артаксеркс даже провел определенные военно-дисциплинарные преобразования (с помощью греческих специалистов, включая Фалина?). При Кунаксе царское войско, вопреки обычному представлению греков (и самого Кира!) о нем, соблюдало строй и молчало на марше (Plut. Art., 7; Хен. Ап., I.7.4; 8.11). В самом сражении персидская армия также успешно совершала маневры, передвижения и перестроения, что вряд ли исполнимо без строгой дисциплины в его рядах [52, с. 432–433]. Напротив, войска Кира не только передвигались в беспорядке [43, с. 171], но и во время боя демонстрировали отсутствие дисциплины [6, с. 156].

персидским корпусом из 10 тыс. чел. Напротив, подсчеты Д. Андерсона, Д. Бигвуд (около 60 тыс.) и И. Кромайера (ок. 50–60 тыс.) слишком завышены (ср.: не больше 50 тыс. — Д. Коуквелл; 45 тыс. — Р. Уотерфилд; ок. 40–50 тыс. — Д. Уайли) [11, с. 100; 12, с. 227, 234–235; 13, с. 342, 347; 15, с. 455–456; 17, с. 123–124; 33, с. 112; 52, с. 436; 54, с. 248]. Лишь У. Тарн склонялся к мнению, на наш взгляд необоснованному, что армии сторон были примерно равны по численности: около 30 тыс. чел. каждая, но у Артаксеркса было преимущество в коннице: 6000 против 2500 [61, с. 7]. Однако, определенное численное преимущество приверженцев царя не только в пехоте, но и — как минимум двойное — в коннице, несомненно.

Ксенофонт (Хен. Ап., I.8.9–10) дает такое расписание левого фланга (противостоящего грекам): всадники Тиссаферна (около 500 чел. — Хен. Ап., I.2.4; III.4.13) в белых панцирях, рядом с ними геррофоры, рядом с геррофорами — египетские копейщики с деревянными щитами. Египет уже восстал, поэтому египтяне в царской армии, по всей вероятности, военные колонисты — из числа отрядов, данных царем Тиссаферну (Хен. Ап., III.4.13). Возможно, что Оронт, зять Артаксеркса и сатрап Армении, уже тогда был подчинен Тиссаферну и сражался при Кунаксе со своими войсками (Хен. Ап., II.4.8; III.4.13). Остальной строй подробных комментариев у автора не вызвал — по его словам, там стояли конница и лучники по народностям, выстроенные сомкнутыми прямоугольниками. Так что, какие войска были на правом фланге Артаксеркса, неизвестно. Диодор добавляет только, что крылья царь поручил персам, а самого Артаксеркса в центре окружали не менее 50 тыс. (цифра невероятная!) отборных воинов (Diod., XIV.22.7), включая «Бессмертных» (?). Ксенофонт подтверждает, что царь находился в центре (Хен. Ап., I.8.12; 23), перед ним 6000 всадников (Хен. Ап., I.8.24), хотя и эта цифра скорее относится к общей численности кавалерии Артаксеркса. Впереди боевой линии (судя по контексту — только напротив греческих отрядов) располагались серпоносные колесницы, отстоящие далеко друг от друга. В лагере царь оставил обоз со слугами, а также подходящую охрану для них (Diod., XIV.22.4; Plut. Art., 7; Хен. Ап., I.8.10).

Царское войско превосходило по протяженности построение армии Кира — по словам Ксенофонта, центр первого выходил за пределы левого крыла Кира (Хен. Ап., I.8.13), но не очень далеко, иначе приказ Кира Клеарху атаковать Артаксеркса (центр) был бы бессмысленным (Хен. Ап., I.8.12) [62, с. 102]. Собственно, даже в таком случае Клеарху пришлось бы маршировать сквозь поле вдоль всего левого крыла противника, да и Киру было бы затруднительно атаковать прямо противостоящий ему центр Артаксеркса (Хен. Ап., I.8.21–22; 24). Вероятно, в действительности Ксенофонт, оказавшись в плену собственных фантазий о сотнях тысяч воинов царя¹, неверно определил протяженность боевой линии. Артаксеркс вполне мог оказаться за пределами левого фланга греков, но вполне очевидно, что афинский наемник ошибается, заявляя, что центр царского воинства находился за всем левым крылом Кира [54, с. 248; 60, с. 37–38].

О ходе битвы, или фактически, нескольких боев [1, с. 632] на разных участках поля, поскольку составные части армии Кира практически не взаимодействовали друг с другом, у нас мало информации. Ксенофонт рассказывает в основном лишь то, что происходило на его фланге и, следовательно, что он сам видел, или² о том, что ему рассказали (Хен. Ап., I.8.18; 20). Поэтому необходимо привлечь еще информацию

¹ Как предполагает по меньшей мере один исследователь (А. Ш. Шахбази), Ксенофонт просто умножил цифры для армии Кира (более 12 тыс. наемников, 600 гвардейских всадников и 20 колесниц) на 100, чтобы получить «численность» армии противника [15, с. 455].

² Поскольку даже там он, находясь подле Проксена, видел далеко не все, а многое мог и забыть — «Анабасис» написан уже после битвы при Левктрах (371 г.).

Диодора и Плутарха, восходящую во многом к свидетелю битвы из противоположного стана — Ктесию [63, с. 1–19].

Нам лучше известно, что происходило на правом, греческом, крыле армии Кира. Эллины с расстояния 3–4 стадий (= 0,5–0,74 км (Хен. Ап., I.8.17; ср.: Diod., XIV.23.1: около трех стадий, = 0,5 км) начали медленно наступать вперед. Затем, когда они подошли к врагу на расстояние выстрела¹ и когда отставшие подтянулись, эллины, с боевым кличем, бегом устремились на врага (как считается, бой начался примерно в 14:30). Противник же стал выпускать массу метательных снарядов (Diod., XIV.23.2; Polyae., II.2.3). Но именно бег помог избежать серьезных потерь гоплитам, якобы только один человек на левом крыле фаланги был поражен стрелой. Враги, не приняв ближнего боя, бежали — налицо безусловное превосходство хорошо обученных, вооруженных и опытных войск над варварским ополчением. Однако, вместо того, чтобы развернуться и атаковать с фланга центр царской армии, греки (несомненно, подчиняясь приказу Клеарха, но почему он поступил именно так, остается загадкой) бросились в погоню — изначально бесполезную и безнадежную для гоплитов. Чем занимались в это время пельтасты и гимнеты, совершенно неясно. Эллины старались сохранять строй, но все же ушли очень далеко — на несколько километров (Хен. Ап., I.8.18–19; Plut. Art., 9). Диодор приводит более достоверную версию: хотя грекам, многие из которых были ветеранами Пелопоннесской войны, противостояла лишь средняя и легкая пехота из новобранцев, все же они оказывали какое-то время сопротивление, пока не бежали, потеряв многих при преследовании (Diod., XIV.23.3–4). Варвары либо не успели атаковать гоплитов серпоносными колесницами, либо они лишь начали разгоняться и не набрали скорость, необходимую для атаки. Естественно, что и колесничие не захотели наступать, когда их войско ретировалось, и они, побросав свои квадриги, сами бежали, а испуганные упряжки, без возниц, метались и через свои, и через греческие ряды, которые перед ними просто расступались (Хен. Ап., I.8.20; ср.: Хен. Суг., VIII.8.25). Причем у эллинов, если верить Ксенофону, пострадал лишь один человек, видимо, сбитый конями колесниц, но не убитый (Хен. Ап., I.8.20).

Но когда пехота левого крыла начала отступление, Тиссаферн со своей конницей не бежал и атаковал у реки греческих пельтастов. Те, располагаясь не в столь плотном строю, как гоплиты, расступились и пропустили врага, обсыпав его градом дротиков. Затем Тиссаферн вышел в тыл противника и направился к лагерю мятежников, где потом и встретился с царскими войсками (Хен. Ап., I.10.7–8; II.3.19). Чем занималась во время боя пафлагонская конница на правом фланге Кира, неизвестно. О. Лендле предполагает, что, когда греки ушли вперед, пафлагонцы ускакали к Киру [52, с. 444].

Тем временем в центре мятежников царило спокойствие. Кир, увидев успех греков на своем правом фланге, привел в готовность свою конную гвардию, стоявшую в плотном строю, и начал высматривать, что делает царь (Хен. Ап., I.8.21–23). Убедившись, что Артаксеркс находится в центре своего войска, царевич со своей тяжеловооруженной конницей атаковал. Он рассеял шеститысячный конный отряд, стоявший перед царем², и, говорят, своей рукой сразил командовавшего ими Артагерса. (Артагерс

¹ Дальность полета стрелы — от 160–175 до 350–450 метров (наибольшая точность стрельбы лучника достигается на расстоянии до 50–60 метров), дротика — 40–50 метров, свинцовой пули из пращи — до 400 метров [34, с. 351; 64, с. 8; 65, с. 27]. В данном случае зона эффективного поражения составляла (поскольку у персов были представлены все эти три вида легкой пехоты), как минимум, несколько десятков метров. Эллины, несомненно, перешли на бег только на последних 100–50 метрах (за время такого бега ряды не могли полностью расстроиться), максимум — на 180–200 метрах.

² Вероятно, сразу перейдя к схватке на ближнем расстоянии, тогда как царские всадники по персидскому обычаю ожидали метательного боя [31, с. 111]. Или же царская конница встречала атаку противника, стоя на месте [43, с. 184]?

бросил в Кира дротик, но царевича спас панцирь, и он в свою очередь метнул дротик, пробив шею противнику.) Но всадники Кира, преследуя царских воинов, тоже рассеялись, и подле него осталась только горстка приближенных («сотрапезников»). Увидев царя и окружавший его отряд, и видимо, опознав противника по царскому штандарту [66, с. 12], Кир вместе с «сотрапезниками», забыв о собственной безопасности, бросился на них, но в схватке был убит (Xen. An., I.8.24–29; Diod., XIV.23.5–7; Just., V.11.9; Plut. Art., 9–12).

Согласно версии очевидца (Ктесий), Кир и Артаксеркс погнались коней друг на друга. Первым метнул дротик Ариэй (все исследователи указывают, что согласно Ксенофону и Диодору/Эфору Ариэй командовал левым крылом, но почему это не может быть его тезка?!), промахнувшись. Царь, метя в Кира, тоже дал промах и убил другого приближенного своего брата, Сатиферна. Наконец, дротик Кира ранил Артаксеркса сквозь панцирь. Царь упал с коня, его свита частью разбежалась, частью (включая Ктесия) сопроводила своего господина на соседний холм. Кир же, уверенный в успехе, заскакав на горячем коне в самую гущу врагов, получил от перса Митридата удар дротиком в висок, рядом с глазом, и упал на землю. Оказавшиеся рядом евнухи попытались увезти его (при этом Ктесий, как врач, совершенно точно описывает последствия ранения в висок), но кавниец из Карики, царский обозник, метнул в мятежника дротик, угодив Киру под колено. Кир снова упал наземь, ударился раненым виском о камень и умер. Уже ночью Артаксерксу, все еще пребывавшему в отдалении от событий на поле боя, привезли голову брата. Ксенофонт, не будучи очевидцем и опираясь на Ктесия, намеренно искажает ход событий, чтобы представить своего героя в более выгодном свете: Кир с криком «Вижу его!» помчался на брата и поразил его дротиком в грудь, ранив сквозь панцирь, но тут же был сражен в лицо дротиком, угодившим царевичу под глаз. Восемь сопровождавших Кира знатных приближенных погибли, защищая его тело. Наконец, Динон (писавший после Ктесия и Ксенофонта, вероятно, отражая персидскую придворную традицию) сообщает, что Кир ранил коня брата, затем, когда царю подвели нового, снова сбросил Артаксеркса с коня, но при третьей ошибке был сражен дротиком то ли царя, то ли некоего карийца. Версия Помпея Трога (в эпитоме Юстина): при столкновении братьев, Артаксеркс был ранен Киrom, но быстрый конь спас его от опасности, а мятежный брат был убит царскими телохранителями [67, с. 473–483; 68, с. 119; 69, с. 90–91].

Ошибкой Кира стало то, что он атаковал слишком быстро, разрушив единство строя своего отряда и позволив самому себе оказаться без поддержки в нужный момент. Разумнее, возможно, было отступить, но такой маневр был опасен с точки зрения престижа, а самое главное — был не в характере царевича. Но после его гибели у мятежников не нашлось лидера, способного возглавить центр — вместе с Киrom погибли и все потенциальные претенденты на эту роль, а фланги войска царевича были разъединены и не контактировали друг с другом. Диодор добавляет, что войсками, оставшимися без руководства после ранения царя, командовал Тиссаферн. Конечно, у Ксенофонта всюду руководит именно царь, но в этом отношении достовернее традиция, переданная у Диодора (по Эфору/Ктесию).

Персы на левом фланге царевича, выдержав атаку численно превосходящего противника, продолжали сражаться. Только узнав о смерти Кира, Ариэй, сам раненный (Xen. An., II.2.14), отступил (Xen. An., I.9.31; Diod., XIV.24.1)¹, как и центр армии Кира. Царские войска **разграбили лагерь мятежников, которые отошли к тому месту, откуда они выступили в путь тем утром** (Xen. An., I.10.1–2).

¹ По версии Д. Андерсона, левое крыло Ариэя вообще не участвовало в сражении, слишком поздно появившись на поле боя [11, с. 100–101]. Это весьма маловероятная гипотеза [см.: 12, с. 236].

Сложилась любопытная ситуация: пока греки гонялись за варварами на своем фланге, на другом участке поля царские войска опустошали вражеский лагерь. И те, и другие пребывали в уверенности, что именно они вышли победителями из столкновения. Наконец, Клеарх, заметив, что другие отряды отступили, прекратил свою бессмысленную погоню за тенью¹ и привел фалангу в порядок. Царские же войска (объединенные с конницей Тиссаферна, который, несомненно, принял на себя командование), собравшись на территории вражеского лагеря и выстроившись для боя, двинулись назад. Греки, решив, что их атакуют с тыла, развернули строй. Но войска Артаксеркса не вступили с ними в сражение и, объединившись с левофланговыми отрядами, проследовали далее мимо левого фланга наемников. Греки же, испугавшись окружения, перестроились, имея реку в тылу, а когда царские войска выстроились напротив них, атаковали. Варвары не стали дожидаться гоплитов и отступили. Эллины остановились у некоей деревни (Кунакса?), а их враги — сначала у холма за этой деревней, где, говорят, виднелся царский штандарт (очевидно, только там находящийся на данном холме раненый царь Артаксеркс и встретил свои победоносные войска), а потом и вовсе ушли еще дальше. Тогда и солнце село. Уже ночью на поле битвы Клеарх соорудил трофей², после чего вернулся в разоренный врагами и опустевший лагерь (Хен., Ап., I.10.4–19; II.3.19; Diod., XIV.24.2–4) как «победитель» проигранной, в том числе и благодаря ему, битвы. Смерть Кира «убрала ключевую фигуру с шахматной доски», положив конец и самому этому беспрецедентному мятежу, и серьезным притязаниям на трон Великого царя.

Было убито 9000, как будто бы официально доложили царю военачальники, более 15 тыс. (по Диодору) или не менее 20 000 (согласно Ктесию) воинов Артаксеркса (Diod., XIV.24.5; Plut. Artax., 13) — очередные фантазии греков. Со стороны Кира потери азиатских войск составили около 3000 чел. (Diod., XIV.24.6). Хотя Ксенофонт и утверждает, что никто из греческих гоплитов и пельтастов не погиб, но верить ему определенно не стоит. К тому же, он сам признавал, что некоторые из греков, находившихся в обозе, пали при его обороне от царских войск (Хен. Ап., I.8.20; 10.3).

После победы царь наградил верных ему персов, но помиловал также сдавшихся ему перебежчиков — в итоге, через некоторое время к Артаксерксу перешли все азиатские отряды Кира. Греки традиционно попытались передаться на сторону сильного (и щедрого), но на сей раз их устремления не увенчались успехом, впрочем, 340 фракийцев и 20 гоплитов с лохагом-аркадянином благополучно проделали этот маневр. Хотя командиры наемников были схвачены Тиссаферном и позднее казнены, их подчиненные отказались сдаваться [71, с. 447–461; 72, с. 58–70]. Персы, понимая, что отчаявшиеся и загнанные в угол наемники дорого продадут свою жизнь, а потери для царской армии будут очень тяжелые, решили не вступать в генеральное

¹ К. Эрхардт справедливо обращает внимание на то, что, пока греки бодро наступали в никуда, их командующий погиб, лагерь был разграблен, союзники отброшены, и поход мятежников лишился всякого смысла. Он полагает, что это был намеренный маневр Тиссаферна, хорошо знавшего и ненавидевшего эллинов «более всех из персов» (Plut. Alcib., 24), а после битвы вознагражденного поистине по-царски — хотя это именно его левый фланг убежал от греков, а сам он, прорвавшись сквозь пельтастов, даже не попытался окружить или догнать и ударить с тыла гоплитов, но помчался прямо к лагерю Кира [70, с. 1–2]. Р. Уотерфилд также поддерживает версию об «уловке» Тиссаферна в своей работе [16, с. 18]. Хотя данная гипотеза не завоевала всеобщего признания [14, с. 280; 57, с. 244–245], она представляется вполне логичной и хорошо объясняет причины странных маневров персов на данном крыле.

² Но Д. Бигвуд, на наш взгляд, не вполне обоснованно, критически высказывается относительно достоверности рассказа Диодора о действиях ночью [13, с. 354–355].

сражение с греками (Diod., XIV.27.3), надеясь, что они и так погибнут по пути на север [1, с. 633]. Греки, в свою очередь, знали о численном перевесе персов и поэтому отказались от прямого пути домой, который был связан с форсированием Евфрата, и выбрали кратчайшую дорогу до границы. Но только благодаря стечению удачных случайностей, а также своему мужеству и изобретательности (благо иного выхода у них не было), корпусу наемников без поддержки конницы удалось пройти сквозь варварскую территорию. В итоге, невзирая на внушительные потери (из почти 13 тыс. чел. к Гераклею пришли более 8300 чел., а Фракии не достигло и шести тысяч наемников) [48, с. 319; 73, с. 112], добраться до моря, создав тем самым в греческом мире представление о слабости Персидской империи.

С тактической точки зрения бой при Кунаксе показал и сильные, и слабые стороны как фаланги наемных гоплитов, так и нового персидского оружия — серпоносных колесниц Ахеменидов. Последние атакуют отряды гоплитов с целью прорыва их строя, хотя греки уже довольно ясно представляют, как им надлежит поступать в таком случае: они стучали копьями о щиты, пугая колесничных коней, а при приближении упряжек просто расступались. Действия самого Кира были типичны для персидской тактики его эпохи — конная атака на главный пункт врага, месторасположение неприятельского полководца, чтобы убить его или принудить к бегству. Греки Кира, даже значительно растянув фронт, старались, насколько возможно, сохранить строй, помня о том впечатлении, которое оказывает на противника хорошо организованное наступление. Перед гоплитами Клеарха не могли устоять персидские ополченцы, не решились атаковать фалангу и всадники [10, с. 287]. Однако решение стратега не отходить от реки и его отказ подчиниться приказу Кира атаковать в центре, возможно, решили исход сражения еще до его начала. Греки разогнали «свой» фланг врагов, но стратегически проиграли бой, не использовав благоприятных условий, чтобы ударить по центру и в решающий момент поддержать царевича. Возможно, гипотеза о «ложном отступлении», устроенном Тиссаферном, не лишена оснований¹.

В любом случае, сражение при Кунаксе наглядно продемонстрировало преимущество эллинского оружия, в том числе — в личной боевой выучке каждого отдельно взятого гоплита. Кроме того, практика показала, что азиатские воины не в состоянии выдержать лобовой удар греческой фаланги, тесно сомкнувшейся, хорошо организованной и действовавшей как превосходно отлаженная «машина уничтожения». Безусловно, тактика и дисциплина эллинских наемников на порядок превосходили уровень их противников. Мы полагаем, что при более четком руководстве битвой со стороны Кира она должна была закончиться его победой.

Само сражение, по сути, являлось всего лишь эпизодом внутренней истории Ахеменидского царства, борьбой за трон. Однако оно имело далеко идущие внешние последствия. Как сама битва при Кунаксе, так и успешное отступление наемников после нее, с боями пробившихся через вражескую территорию на родину, внушили эллинам уверенность в слабости персидского государства. Это стало отправной точкой и идеологическим обоснованием для подготовки общественного мнения к походу на восток. Отсюда выросла и идея Исократы «перенести бедность Эллады в Азию, а богатство Азии — в Элладу».

«Авантюрный» поход Александра Македонского вовсе не был такой уж авантюрой, какой его склонны считать многие историки. Предпосылкой побед Александра можно считать саму битву при Кунаксе и ее осмысление греками.

Ключевые слова: Кунакс, Кир Младший, Артаксеркс II, Ксенофонт, Ктесий.

¹ В историографии заметны и попытки оправдать Клеарха [43, с. 171–172].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A history of the Persian Empire. — Winona Lake, 2002.
2. *Ruzicka S.* Cyrus and Tissaphernes, 407–401 B.C.//CJ. — 1985. — Vol. 80. — № 3.
3. *Kubrt A.* Persian Empire. — Abingdon, 2007. — Vol. I.
4. *Judeich W.* Kleinasiatischen Studien. Untersuchungen zu griechisch-persischen Geschichte des IV Jahrhunderts v. Ch. — Marburg, 1892.
5. *Рунз Э.В.* Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI—IV вв. до н. э. — СПб., 2008.
6. *Hyland J. O.* Tissaphernes and the Achaemenid Empire in Thucydides and Xenophon. — Ph. D. Diss., Univ. of Chicago, 2005.
7. *Bonner R. J.* Desertions from the “Ten Thousand”//CPh. — 1920. — Vol. 15. — № 1.
8. *Lendle O.* Kommentar zu Xenophons Anabasis: Bücher 1–7. — Darmstadt, 1995.
9. *Binder C.* Plutarchs Vita des Artaxerxes. Ein historischer Kommentar. — Berlin; N. Y., 2008.
10. *Нефедкин А. К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI—I вв. до н. э.). — СПб., 2001.
11. *Anderson J. K.* Xenophon. — L., 1974.
12. *Kromayer J.* Antike Schlachtfelder. Bausteine zu einer antiken Kriegsgeschichte. — Bd. IV. — Berlin, 1924.
13. *Bigwood J. M.* The Ancient Accounts of the Battle of Cunaxa//AJPh. — 1983. — Vol. 104. — № 4.
14. *Ray F.E., Jr.* Land Battles in 5th Century B.C. Greece: A History and Analysis of 173 Engagements. — Jefferson; L., 2009.
15. *Shabbazi A. Sh.* Cunaxa//EIr. — 1993. — Vol. VI.
16. *Waterfield R.* Xenophon’s Retreat: Greece, Persia and the End of Golden Age. — Cambridge, 2006.
17. *Wylie G.* Cunaxa and Xenophon//AC. — 1992. — T. 61.
18. *Joannus F.* L’itinéraire des Dix-Mille en Mésopotamie et l’apport des sources cunéiformes//Dans les pas des Dix-Mille: Peuples et pays du Proche-Orient vus par un grec: Actes de la Table Ronde Internationale, organisée à l’initiative du GRACO, Toulouse, 3–4 février 1995. — Toulouse, 1995.
19. *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. — М., 1985.
20. *Cousin G.* Kyros le Jeune en Asie Mineure (printemps 408 — Juillet 401 avant Jésus-Christ). — P.; Nancy, 1905.
21. *Weissbach F. H.* Kyros (7)//RE. — 1924. Suppl. — Bd. IV.
22. *Schmitt R.* Cyrus (VI)//EIr. — 1993. — Vol. VI.
23. *Glombowski K.* The Campaign of Cyrus the Younger and the Retreat of the “Ten Thousand”: the Chronology//Pomoerim. — 1994. — Vol. 1.
24. *Lee J. W. I.* A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon’s *Anabasis*. — Cambridge, 2007.
25. *Chronological table*//CAH². — 1994. — Vol. VI.
26. *Weissbach F. H.* Κούναξα//RE. — 1922. — Bd. XI. Hbhd. 2.
27. *Mason K.* Notes on the Canal System and Ancient Sites of Babylonia in the Time of Xenophon//GJ. — 1920. — Vol. 56. — № 6.
28. *Barnett R. D.* Xenophon and the Wall of Media//JHS. — 1963. — Vol. 83.
29. *Killick R. G.* Northern Akkad Project: Excavations at Habl As-Sahr//Iraq. — 1984. — Vol. 46. — № 2.
30. *Lendle O.* Xenophon in Babylon. Die Märsche der Kyreer von Pylai bis Opis//RhM. — 1986. — Bd. 129.

31. *Gaebel R.E.* Cavalry Operations in the Ancient Greek World. — Norman, 2002.
32. *Gawlikowski M.* Thapsacus and Zeugma the Crossing of the Euphrates in Antiquity //Iraq. — 1996. — Vol. 58.
33. *Gabrielli M.* Transport et logistique militaire dans l'Anabase//Dans les pas des Dix-Mille: Peuples et pays du Proche-Orient vus par un grec: Actes de la Table Ronde Internationale, organisée à l'initiative du GRACO, Toulouse, 3–4 février 1995. — Toulouse, 1995.
34. The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. — Cambridge, 2007. — Vol. I.
35. *Gugel H.* Die Aufstellung von Kyros' Heer in der Schlacht von Kunaxa//Gymnasium. — 1971. — Bd. 78.
36. *Head D.* The Achaemenid Persian Army. — Stockport, 1992.
37. *Young R.* Orders of Battle at Kounaxa//Slingshot. — 1996. — №. 188.
38. *Young R.* Orders of Battle at Kounaxa//Slingshot. — 1997. — №. 189.
39. *Brown T. S.* Menon of Thessaly//Historia. — 1986. — Bd. 35. — Hf. 4.
40. *Hewitt J. W.* The Disobedience of Clearchus at Cunaxa//CJ. — 1919. — Vol. 14. — № 4.
41. *Shabbazi A. Sh.* Ariaeus//EIr. — 1987. — Vol. II.
42. *Ruzicka S.* Glos, Son of Tamos, and the End of the Cypriot War//Historia. — 1999. — Bd. 48. — Hf. 1.
43. *Anderson J.K.* Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. — Berkeley; Los Angeles, 1970.
44. *Черненко Е. В.* Битва при Фате и скифская тактика//Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984.
45. *Best J. G. P.* Thracian Peltasts and their Influence on Greek Warfare. — Groningen, 1969.
46. *Мафинович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. — М., 1975.
47. *Dalby A.* Greeks Abroad: Social Organisation and Food among the Ten Thousand //JHS. — 1992. — Vol. 112.
48. *Roy J.* The Mercenaries of Cyrus//Historia. — 1967. — Bd. 16. — Hf. 3.
49. *Roy J.* Xenophon's Evidence for the *Anabasis*//Athenaeum. — 1968. — Vol. 46.
50. *Seibt G.F.* Griechische Söldner im Achaimenidenreich. — Bonn, 1977.
51. *Trundle M.* Greek Mercenaries from the Late Archaic Period to Alexander. — L.; N. Y., 2004.
52. *Lendle O.* Der Bericht Xenophons über die Schlacht von Kunaxa//Gymnasium. — 1966. — Bd. 73.
53. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. — СПб., 1994. — Т. I.
54. *Cawkwell G.* The Greek Wars: The Failure of Persia. — Oxf., 2005.
55. *Meyer E.* Geschichte des Altertums. — Stuttgart; Berlin, 1913. — Bd. 5.
56. *Rabe P. A.* The Military Situation in Western Asia on the Eve of Cunaxa//AJPh. — 1980. — Vol. 101. — № 1.
57. *Westlake H. D.* Diodorus and the Expedition of Cyrus//Phoenix. — 1987. — Vol. 41. — № 3.
58. *Burn A. R.* Persia and the Greeks//CHI. — 1985. — Vol. II.
59. *Dillery J.* Xenophon and the History of His Times. — L., 1995.
60. *Cawkwell G. L.* Introduction//Xenophon. The Persian Expedition. Trans. by R. Warner. — L., 1972.
61. *Tarn W.W.* Persia from Xerxes to Alexander//CAH¹. — 1930. — Vol. VI.
62. *Braun T.* Xenophon's Dangerous Liaisons//The Long March: Xenophon and the Ten Thousand. — New Haven; L., 2004.
63. *Brown T. S.* Suggestions for a Vita of Ctesias of Cnidus//Historia. — 1978. — Bd. 27. Hf. 1.

64. *McLeod W.* The Rage of Ancient Bow //Phoenix. — 1965. — Vol. 19. — № 1.
65. *Foss C.* A Bullet of Tissaphernes//JHS. — 1975. — Vol. 95.
66. *Sekunda N. V.* The Persian Army 560–330 BC. — Oxf., 1992.
67. *Bassett S. R.* The Death of Cyrus the Younger//CQ. — 1999. — Vol. 49. — № 2.
68. *Gray V.* Interventions and Citations in Xenophon, *Hellenica* and *Anabasis*//CQ. — 2003. — Vol. 53. — № 1.
69. *Stevenson R. B.* Persica. — Edinburgh, 1997.
70. *Ehrhardt C. T. H. R.* Two notes on Xenophon, *Anabasis*//AHB. — 1994. — Vol. 8. — № 1.
71. *Bassett S. R.* Innocent Victims or Perjurers Betrayed? The Arrest of the Generals in Xenophon's *Anabasis*//CQ. — 2002. — Vol. 52. — № 2.
72. *Hirsch S. W.* Xenophon and Persia. — Ph.D. Diss., Stanford University, 1981.
73. *Masqueray P.* Origine de l'expression les «Dix-Mille»//Comptes-rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. — 1928. — Vol. 72. — № 1.

Резюме

Беликов А. П., Нечитайлов М. В. *Битва при Кунаксі: триумф еллінської зброї?*

Спираючись на свідоцтва широкого кола джерел та залучаючи велику історіографію, автори детально аналізують найбільш важливі питання битви при Кунаксі: співвідношення сил сторін та їх склад, хід бою, його підсумки та наслідки. На їхню думку, грецькі найманці фактично виграли бій, але реально його програв їх провідник Кір.

В статті акцентується увага на значенні битви. Вона переконала еллінський світ в слабкості персидської держави, що мало далекосяжні наслідки як для еллінів, так і для персів.

Summary

A. Belikov, M. Nechitaylov. *The Battle Under Cunaxa: Triumph of the Hellenic Weapon?*

Resting in certificate of the broad circle of the sources and attracting extensive historiography, authors detailed analyze the most complex questions of the battle of Cunaxa: correlation of power of the sides and their composition, move of the battle, its totals and consequences. Upon their opinion, Greek mercenaries have practically won the battle, but real it had lost by their leader Cyrus.

Attention is accented in article on importance of the battle. It has convinced the Hellenic world in weaknesses Persian state that had far going consequences both for Hellas, and for Persia.

Key words: Cunaxa, Cyrus the Younger Artaxerxes II, Xenophon, Ctesias.

